

ЭДУАРД ФИЛАТЬЕВ

ГЛАВНАЯ ТАЙНА ГОРЛАНА-ГЛАВАРЯ

1918 - 1922

ВОШЕДШИЙ

САМ

КНИГА ВТОРАЯ

ЭФФЕКТ ФИЛЬМ

Главная тайна горлана-главаря

Эдуард Филатьев

**Главная тайна горлана-
главаря. Вошедший сам**

«ЭФФЕКТ ФИЛЬМ»

2016

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)6

Филатьев Э.

Главная тайна горлана-главаря. Вошедший сам / Э. Филатьев —
«ЭФФЕКТ ФИЛЬМ», 2016 — (Главная тайна горлана-главаря)

ISBN 978-5-4425-0012-7

О Маяковском писали многие. Его поэму «150 000 000» Ленин назвал «вычурной и штукарской». Троцкий считал, что «сатира Маяковского бегла и поверхностна». Сталин заявил, что считает его «лучшим и талантливейшим поэтом нашей Советской эпохи». Сам Маяковский, обращаясь к нам (то есть к «товарищам-потомкам») шутливо произнёс, что «жил-де такой певец кипячёной и ярый враг воды сырой». И добавил уже всерьёз: «Я сам расскажу о времени и о себе». Обратим внимание, рассказ о времени поставлен на первое место. Потому что время, в котором творил поэт, творило человеческие судьбы. Маяковский нам ничего не рассказал. Не успел. За него это сделали его современники. В документальном цикле «Главная тайна горлана-главаря» предпринята попытка взглянуть на «поэта революции» взглядом, не замутнённым предвзятостями, традициями и высказываниями вождей. Стоило к рассказу о времени, в котором жил стихотворец, добавить воспоминания тех, кто знал поэта, как неожиданно возник совершенно иной образ Владимира Маяковского, поэта, гражданина страны Советов и просто человека.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)6

ISBN 978-5-4425-0012-7

© Филатьев Э., 2016
© ЭФФЕКТ ФИЛЬМ, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Долгожданный мир	6
Цена затишья	9
Любовь и расстрелы	11
Иная страна	13
Судьба флотоводцев	16
События, события...	18
Первые жертвы	20
Новые герои	22
Отъезд за рубеж	26
Предсвадебное путешествие	28
Накануне бунта	31
Левозеровский бунт	34
После «мятежа»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эдуард Филатьев

Главная тайна горлана-главаря.

Книга вторая. Вошедший сам

Посвящаю моему внуку

Константину Дмитриевичу Малёнкину

Часть первая

Бунтари-одиночки

Глава первая

Воспевание бунта

Долгожданный мир

Когда 14 апреля 1918 года большевики закрыли московское «Кафе поэтов», Владимир Маяковский без дела не остался – у него в самом разгаре была работа над кинокартиной «Не для денег родившийся». В конце апреля эта «фильма» (именно так в ту пору называли кинофильмы) была готова. Премьера состоялась в кинотеатре «Модерн» (нынешний «Метрополь»), на просмотре был нарком Анатолий Луначарский.

А как складывалась жизнь тогдашней страны Советов?

Что волновало её граждан?

Как они относились к тому, что происходило в России?

Весна 1918 года была для россиян порою неожиданной и незнакомой: совершившие государственный переворот большевики уже полгода находились у власти, ни с кем воевать они не желали, смертная казнь в стране была отменена, а саму страну с октября 1917 года стали называть Советской Россией. Казалось бы, наступил мир, которого все так долго ждали. Но мир этот был не простой, а особенный – Брестский.

В советские времена об условиях того внезапного перемирия историки предпочитали не говорить вообще, хотя ленинскую формулировку («мир похабный») приводили непременно. Вспомним, в чём была суть тех «похабных» договорённостей.

Согласно Брестскому миру, подписанному 3 марта в Брест-Литовске со странами, с которыми россияне вели войну (с Германией, Австро-Венгрией, Отоманской империей и Болгарским царством), Россия добровольно отдавала Германии Украину, часть Белоруссии, Прибалтийские губернии и Финляндию, а Турция получала Карскую и Батумскую области.

На отдававшихся территориях проживало 56 миллионов человек (треть населения царской России). Там находилось 27 процентов обрабатываемой земли, 26 процентов железных дорог, добывалось 89 процентов каменного угля, выплавлялось 73 процента стали и железа, производилось 90 процентов сахара.

Мало этого, большевики, категорически отказавшиеся признавать царские долги, для Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии сделали исключение и на продолжение выплат согласились.

Кроме того, российские армия и флот подлежали демобилизации, а корабли с Балтики и Чёрного моря должны были быть переданы Германии.

Вот такими они были – эти брестские договорённости. Деньги, которые пошли на доставку Ленина и его соратников из Швейцарии в Россию (в «пломбированных вагонах»), были Германией потрачены не зря.

Брестский мир ошеломил и ужаснул Россию. От большевиков отшатнулись даже те, кто ещё совсем недавно приветствовал совершённый ими октябрьский переворот. В рядах врагов партии Ленина оказались и монархисты, и сторонники Временного правительства, и кадеты, и социалисты всех мастей, и анархисты.

Даже в рядах большевистской партии произошёл раскол – слишком много её членов решительно не поддержали мир, подписанный от их имени Григорием Сокольниковым. На экстренно собранном седьмом партийном съезде против Ленина выступили Троцкий, Бухарин, Дзержинский, Урицкий, Радек, Крестинский, Крыленко, Бубнов и другие видные большевики. Но Владимиру Ильичу удалось повести делегатов за собой, и съезд проголосовал за Брестский мир (30 голосов – «за», 12 – «против», 4 – «воздержались»).

Вчерашние союзники России (страны Антанты) вообще назвали Брестский мир предательством, дававшим Германии и её союзникам шанс одержать победу в шедшей уже четвёртый год мировой войне (ведь у противостоявших Антанте стран сразу возникал перевес по количеству дивизий). Поэтому не удивительно, что на территорию страны-предательницы были направлены воинские контингенты. Началась интервенция.

В.В. Маяковский. Фотопроба к кинофильму «Не для денег родившийся», 1918 г.

И уж тем более не должно удивлять то, что россияне, не согласившиеся с невиданным доселе унижением своей родины, стали готовить оружие, чтобы вступить с большевиками в бой. Гражданская война готова была разразиться со дня на день.

На творчестве Владимира Маяковского эти судьбоносные для России события не отразились никак – в марте 1918 года он слишком увлёкся кинопроизводством: сначала переиначил на российский лад роман американского писателя Джека Лондона «Мартин Иден», а когда начались съёмки, стал киноактёром. Маяковскому было просто не до того, что в тот момент происходило вокруг.

В то время в Москве жил двадцатидвухлетний Матвей Давидович Ройзман. Он тоже сочинял стихи, даже печатал их и учился на факультете общественных наук (бывшем юридическом) Московского университета. В один из весенних дней его вызвали в старостат и сказали, что военному комиссариату страны Советов требуются переводчики с иностранных языков. Ройзман, владевший немецким и (чуть похуже) английским, потом вспоминал:

«Меня направили в комиссию по созданию Интернациональной Красной армии. Я поехал туда на трамвае.

По улицам шли москвичи, у многих были кожаные или брезентовые портфели. Казалось, люди спешат на службу. Но саботаж старых служащих отнюдь не прекратился – в учреждениях не могли набрать и трети положенного штата. Дело было совсем в другом. В те дни ещё были в ходу керенки: зелёные – двадцатирублёвого и коричневые – сорокарублёвого достоинства. После Октябрьской революции они стали с невероятной быстротой падать в цене. Керенками платили не поштучно, а полистно. Нести эти листы в руках было невозможно. Вот и приспособливали для них кто что мог. Я видел, как девочка, купив у торговки маковники, вынула лист керенок, а та отрезала себе от него нужную сумму ножницами».

Матвея Ройзмана взяли на работу в «комиссию», и он стал помогать разбирать заявления военнопленных, желавших служить в Интернациональной Красной армии. Потом из тех мест, где начала разгораться гражданская война, ему предложили возить секретные пакеты в Москву – «в Наркомат по военным и морским делам и лично председателю ВЦИК Я.М. Свердлову».

Свердлов Яков Михайлович (Иешуа Мойшевич или Янкель Мариамович), будучи председателем ВЦИКа, высшего органа государственной власти страны Советов, фактически являлся главой государства. Однажды, увидев у Ройзмана журнал «Свободный час», а в нём его стихи, Свердлов прочёл их и сказал:

«– Это же старая лирика. А была революция. Идут жестокие бои...

– Трудно сразу, Яков Михайлович!

– Вы читали стихи Есенина? Он талантливый поэт, но пишет о старой Руси. Старинный быт, обычаи, религия. Всё это навсегда отомрёт. Если Есенин это не поймёт, он похоронит свой талант. А из него может выйти толк!

Эти слова... я запомнил надолго».

И всё-таки весной 1918 года россиян тревожили не столько судьбы тех или иных стихотворцев, сколько судьба их страны, заплатившей за прекращение войны невероятную («брестскую») цену.

Цена затишья

Тем временем надвигавшиеся на Россию события становились всё более драматичными. Германия считала себя страной-победительницей и потому спешила завладеть первым «брестским трофеем» – Балтийским флотом, зимовавшим в Гельсингфорсе (ныне – Хельсинки) и переходившим (согласно заключённым договорённостям) в распоряжение немцев.

Но с таким «переходом» были категорически не согласны балтийские моряки. И уже 12 марта первый отряд военных кораблей покинул Гельсингфорс, взяв курс на Кронштадт. Путь прокладывали два ледокола, ломавшие ледяной покров, который местами доходил до 75 сантиметров. Этот беспрецедентный рейд организовал и осуществил капитан первого ранга Алексей Михайлович Щастный. В начале апреля в Кронштадт двинулся второй отряд кораблей. Чуть позднее отправился третий, последний. В результате 6 линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев и миноносцев, 12 подводных лодок, 25 сторожевиков и тральщиков, а также других судов – всего 236 вымпелов оказались в российском порту под надёжной защитой.

Российские газеты принялись наперебой славить «ледовый переход». Совет флагманов Балтфлота избрал Алексея Щастного начальником морских сил («наморси») Балтики, а образованные большевики присвоили ему звание контр-адмирала. В стране появился новый герой, которого разом зауважали все россияне.

Однако немцы были просто взбешены, когда узнали о передислокации Балтийского флота. Германский посол в Москве Вильгельм фон Мирбах тотчас вручил Советскому правительству ноту протеста, в которой требовалось немедленно передать корабли Балтики Германии.

На Черноморский флот немцы зарились тоже, и в апреле войска кайзера начали оккупировать Крым. Командующий флотом вице-адмирал Михаил Павлович Саблин получил приказ от Совнаркома увести корабли из Севастополя, к которому уже приближались части германской армии. 29 и 30 апреля восемнадцать боевых кораблей отправились в Новороссийск.

Но немцам, которые уже 1 мая вошли в Севастополь, всё равно досталась богатая добыча: 7 линкоров, 3 крейсера, 12 эсминцев, 15 подводных лодок, 5 плавучих баз, несколько крупных торговых судов, учебных кораблей и минных заградителей.

Корабли, выведенные в Новороссийск, немцы тоже категорически потребовали вернуть в Севастополь.

На все эти события Маяковский тоже не откликнулся, ведь одновременно с «Не для денег родившимся» он принял участие в создании другой картины – «Барышня и хулиган»: написал сценарий по рассказу итальянского писателя Эдмондо де Амичиса «Учительница рабочих», а затем стал исполнителем одной из главных ролей. Съёмки велись всего две недели, и эта «фильма» вышла на экраны почти одновременно с предыдущей.

То, что российский флот может оказаться в распоряжении неприятеля, очень встревожило страны Антанты, и Великобритания предложила уничтожить военные корабли Балтики, пообещав щедро оплатить работу подрывников-минёров. А пришедшие в Новороссийск корабли Черноморского флота было предложено просто затопить.

Народный комиссар по военным и морским делам (наркомвоенмор) Лев Троцкий решил (так считают многие историки) и германцев не обидеть и британцев перехитрить. Он предложил так «заминировать» и так «взорвать» корабли, чтобы с британцев можно было получить обещанные ими деньги, а немцам отдать якобы «взорванные» корабли, которые Германия могла быстро привести в порядок.

3 мая Троцкий послал в Петроград Алексею Щастному секретную телеграмму с приказом готовить корабли к минированию, а взрывников-минёров предупредить о ждущем их вознаграждении. Не трудно себе представить, как возмутило контр-адмирала это требование большевистского наркома. Щастный доложил обо всём Совету комиссаров и флагманов флота, сказав:

«– Я не вижу и не понимаю, что хочет правительство, что хотят политические официальные деятели...»

Моряки ответили взрывом негодования:

«– Нам – осьмушку хлеба, а губителям флота – вклады в банках?!»

Совет единогласно проголосовал за резолюцию, в которой говорилось:

«Не бывать продажности в нашем флоте!»

Так как в покинутом советским правительством Петрограде жизнь стремительно ухудшалась, а наладить её оставленные на ответственных постах большевики не могли, кронштадтские моряки постановили:

«... передать власть над Петроградом командующему флотом контр-адмиралу Алексею Щастному».

Щастный от предложенного ему поста отказался. Но и минировать спасённые им корабли тоже не стал.

А Маяковский в это время писал сценарий новой кинокартины – «Закованная фильмой». Журнал «Мир экрана» назвал его – «легендой кино». В главной мужской роли поэт собирался сняться сам, а на главную женскую роль пригласил Лили Брик, которая вместе с Осипом Бриком тотчас же приехала из Петрограда. В «Хронике жизни и деятельности Маяковского» сказано:

«Картина была закончена в начале июня».

Во время работы над картиной романтические отношения между Владимиром Владимировичем и Лили Брик возобновились.

Любовь и расстрелы

Скорее всего, именно весной 1918 года произошло событие, описанное Виктором Шкловским в книге «Жили-были»:

«Помню как-то Маяковский пришёл в "Привал комедиантов" с Лилей Брик. Она ушла с ним. Потом Маяковский вернулся, торопясь.

– Она забыла сумочку, – сказал он, отыскав маленькую чёрную сумочку на стуле.

Через стол сидела Лариса Михайловна Рейснер, молодая, красивая. Она посмотрела на Маяковского печально.

– Вы вот нашли свою сумочку и будете теперь её таскать за человеком всю жизнь.

– Я, Лариса Михайловна, – ответил поэт (а может быть, он сказал Лариса), – эту сумочку могу в зубах носить. В любви обиды нет».

Этот разговор вряд ли мог произойти в Петрограде (в кафе «Привал комедиантов»), так как в петроградский период жизни Маяковский свою любовь к Лили Брик не афишировал. А в Москве он снимался с ней в кинокартине, в которой играл художника, влюблённого в балерину (её роль и исполняла Лили Брик). Поэтому и кафе, где произошла та встреча, было явно московское («Питтореск» на Кузнецком мосту или «Домино» на Тверской улице). Да и Лариса Рейснер не случайно отнеслась к реплике Маяковского с пониманием (ничего не сказав ему в ответ), потому что была в тот момент влюблена в видного большевика, заместителя наркома.

После октябрьского переворота поэтесса Лариса Рейснер стала работать с большевиками. Её ввели в комиссию по учёту и охране сокровищ Эрмитажа, и вскоре на её руке появился перстень с алмазом, ещё совсем недавно принадлежавший российской императрице. Рейснер нравилось всё то, что происходило вокруг, и она любила декламировать своё стихотворение «Художник», написанное несколько лет назад:

*«Палитру золотит густой прозрачный лак,
Но утолить не может новой жажды;
Мечты бегут, не повторяясь дважды,
И бешено рука сжимается в кулак».*

Прочла ли она эти строки Маяковскому в ту встречу весной 1918 года, сведений не сохранилось. Но доподлинно известно, что именно тогда Рейснер готовилась вступить в брак с двадцатилетним мичманом Фёдором Фёдоровичем Ильиным, больше известным по своей партийной кличке Фёдор Раскольников. 29 января 1918 года он был назначен заместителем по морским делам наркомвоенмора Троцкого. Это Раскольников поддержал кандидатуру Алексея Щастного, выдвинутого матросами на пост командующего Балтийским флотом.

В апреле 1918 года Лариса Рейснер переехала в Москву и поселилась в гостинице «Лоскутной» на Тверской улице. К тому времени эта гостиница уже сменила название и стала именоваться «Красным флотом», превратившись в своеобразное общежитие комиссариата по морским делам. Рядом с номером, в котором расположилась Рейснер, поселили матроса Анатолия Григорьевича Железнякова. Он вошёл в историю фразой: «Караул устал», с которой он как начальник караула Таврического дворца обратился к депутатам Учредительного собрания, закрывая их заседание. Здесь же, в «Красном флоте» проживал и Фёдор Раскольников.

У правивших страной Советов большевиков армия тогда ещё только создавалась, но был «карающий меч революции» – ВЧК, Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Она существовала всего несколько месяцев, но могущество её возрасло неимоверно. Об этом можно судить хотя бы по тому, как активно чекисты расправлялись с теми, кого считали контрреволюционерами или саботажниками.

Поэт Владислав Ходасевич написал в воспоминаниях, что весной 1918 года в кругах московской литературной богемы Сергей Есенин стал появляться в обществе Якова Блюмкина, служившего в московской ЧК. Как-то, кивнув на друга-чеки-ста, Есенин сказал понравившейся ему девушке:

«– А хотите поглядеть, как расстреливают в ЧК? Я это вам через Блюмкина в одну минуту устрою».

Если поэт так говорил, значит наверняка стоял (и, надо полагать, не раз) рядом с другом Яшей и с интересом наблюдал, как чекисты ликвидируют своих «врагов».

Другое свидетельство оставил Лев Олькеницкий, написавший (под псевдонимом Лев Никулин) в книге «Записки спутника», как в одном из московских кафе сильно подвыпивший Яков Блюмкин хвастался своей властью над людьми, восклицая:

«– Хочу и арестую! Хочу и расстреляю!»

Достав из кармана куртки пачку ордеров на арест, он начал их при всех подписывать, приговаривая:

«– Поручик такой-то – арестовать! Граф такой-то – расстрелять!»

Присутствовавший при этом поэт Осип Эмильевич Мандельштам, стремительно подошёл к Блюмкину, выхватил у него ордера и разорвал их в клочья. Ошеломлённый Блюмкин мгновенно протрезвел и стал грозиться, что убьёт не какого-то графа, а самого Мандельштама.

О том, как события развивались дальше, рассказала в своих воспоминаниях жена Осипа Мандельштама Надежда Яковлевна:

«Прямо из кафе Мандельштам поехал к Ларисе Рейснер, с которой у него были приятельские отношения. И так повёл наступление, что Раскольников позвонил Дзержинскому и сговорился, что тот примет Ларису и Осипа Эмильевича».

На приём к главе ВЧК вместе с Рейснер и Мандельштамом поехал и Раскольников.

Надежда Мандельштам:

«Дзержинский заинтересовался Блюмкиным и стал спрашивать о нём Ларису. Она ничего толком не знала о Блюмкине. Жалоба Осипа Мандельштама на террористические замашки этого человека остались, как и следовало ожидать, гласом вопиющего в пустыне.

– Зачем вам понадобилось спасать этого графа? Все они шпионы! – спрашивала потом Лариса».

Владимир Маяковский наверняка был в курсе этих историй – о них ему могли рассказать и Лариса Рейснер, и Осип Мандельштам, и Лев Олькеницкий- Никулин, и Владислав Ходасевич, да и сам Яков Блюмкин. Но вряд ли на эти рассказы поэт-футурист хоть как-то отреагировал. Ведь в разгаре были съёмки «фильмы» о любви, в которой он играл главную роль. К тому же Владимир Владимирович продолжал считать себя некоронованным королём российских стихотворцев, повелителем и кумиром публики, автором ещё никем не превзойдённого «Евангелия от Маяковского» – поэмы «Человек». А в ней, как мы помним, он представал перед читателями в образе Иисуса Христа, побывавшего в мире ином и вернувшегося оттуда, чтобы обратиться к векам. Все, кому доводилось прослушать «Человека» в исполнении Маяковского, одаривали поэму бурными рукоплесканиями, а прославленные поэты-символисты признали её автора талантливейшим поэтом. Ему ли было до проделок какого-то Блюмкина и до прочих литераторов вроде Рейснер, Мандельштама и Ходасевича?

Что же касается недругов, то у Маяковского, по его же собственным словам, недруг был только один – Господь, Вседержитель, про которого в «Человеке» сказано:

*«Повелитель Всего —
/соперник мой, /мой неодолимый враг.
Нежнейшие горошинки на тонких чулках его.
Штанов франтоватых восхитительны полосы.»*

Галстук, / вышестранный ахово».

Маяковский был готов и дальше противостоять Ему, «главному танцмейстеру земного канкана», а однажды и одолеть, запретив управлять земными танцами. По сравнению с этой грандиозной целью превращение России в какую-то другую, совсем незнакомую страну казалось детской шалостью.

И вдруг во второй половине мая 1918 года одна из московских газет опубликовала произведение, воспевавшее страну с очень странным названием. Она очень походила на Россию, но гораздо больше смахивала на какое-то совсем другое жизненное пространство.

Иная страна

Биографы Маяковского о том событии не упоминают. В самом деле, разве можно назвать сколько-нибудь существенным простой житейский вопрос:

– Вы сегодняшней номер «Знамени труда» читали?

А об этом у Маяковского наверняка спрашивали. И, услышав отрицательный ответ, тут же интересовались:

– Значит, про «Инонию» ничего не знаете?

– Про какую «Инонию»? – удивлялся поэт. – Что это такое?

– А вы прочтите!

Купив газету, Маяковский обнаружил в ней поэму с этим непонятным названием и с ещё более непонятными предваряющими словами:

«Посвящаю З.Н.Е.»

Вряд ли кто-либо из тогдашних читателей мог расшифровать эти инициалы. А это было посвящение жене поэта: *«Посвящаю Зинаиде Николаевне Есениной».*

После названия шло ещё одно посвящение: *«Пророку Иеремии».* Затем следовало решительное утверждение:

*«Не утрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, —
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей».*

Прочитанные строки наверняка были восприняты Маяковским как гром с ясного неба. Ведь это в поэме «Человек» поэт погибал и (подобно Иисусу Христу) возносился в небо. А что имел в виду Есенин, заявляя о том, что он тоже не утрашится гибели? И зачем было ему, до этого, по выражению Маяковского, писавшему главным образом *«про птичек и зайчиков»*, вдруг объявлять себя пророком и посвящать свою поэму с непонятным названием другому пророку – Иеремии? Почему именно ему?

Маяковский читал дальше:

*«Время моё приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплёвываю изо рта.*

*Не хочу воспринять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение*

Прободающих вечность звезд».

Получалось, что Есенин отвергал («выплёвывал») тот самый образ Иисуса, в котором предстал перед читателями Маяковский. И ставил об этом в известность пророка Иеремию.

Но почему именно его?

Как известно, входящая в Библию «Книга пророка Иеремии» полна резких и колючих слов, обличающих царей и их подданных. Стихи Маяковского тоже были переполнены резкими, а иногда и довольно грубыми выражениями.

В Библию включена ещё одна книга того же древнего пророка – «Плач Иеремии». И у Маяковского (из-за воспевавшихся им его несчастных любовей) в стихах и поэмах проливалось море слёз. После очередного любовного краха герой поэмы «Человек» и отправлялся в мир иной.

Выходило, что это как бы к нему обращался Сергей Есенин. Ведь это он, Маяковский, в своём «Человеке» описал штаны Господа. Ведь это он, Маяковский, любил усердно мыть свои руки. Ведь это про него, Маяковского, говорили, что его голос напоминает рёв быка. А в «Инонии» было написано:

*«Ныне ж бури воловым голосом
Я кричу, сняв с Христа штаны:
Мойте руки свои и волосы
Из лохани второй луны».*

Это он, Маяковский, в «Человеке» утверждал:

*«Погибнет всё. / Сойдёт на нет.
И тот, / кто жизнью движет,
последний луч / над тьмой планет
из солнц последних выжжёт».*

А что говорил Есенин? Вот его строки:

*«Говорю вам – вы все погибните,
Всех задушит вас веры мох.
По-иному над нашей выгибью
Вспух незримой коровой бог».*

Это он, Маяковский, в финале «Человека» обращался к мировому пространству:

«Ширь, / бездомного / снова / лоном твоим прими!»

А Есенин в своей «Инонии» заявлял:

*«Я сегодня рукой упругою
Готов повернуть весь мир...
Грозовой расплескались вьюгою
От речей моих восемь крыл».*

Мало этого, Есенин впрямую заявлял, что слова его поэмы станут молитвой для людей – ведь упомянутый им византийский писатель Кузьма Индокоплов (то есть «*плаватель в Индию*») был автором почитаемой христианами книги:

*«Плачь и рыдай, Московия!
Новый пришёл Индокоплов.
Все молитвы в твоём часослове я
Проклюю моим кловом слов».*

Завершалась есенинская поэма строками, под которыми мог подписаться любой большевик, вооружённый «*карающим мечом революции*»:

*«Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.*

*Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера – в силе.
Наша правда – в нас!»*

В поэме Есенина ни слова не говорилось о Брестском мире, который был тогда у всех на устах. Но в ней повторялось всё то, о чём торжественно заявляли на митингах большевики: правда только у них. И в это все непременно должны были поверить, потому что свою правду большевики подкрепляли силой, при наличии которой, как известно, никакого ума не требуется.

На вопрос одного из своих друзей, что означает название его поэмы, Есенин ответил:

«– Инония – иная страна».

Это его объяснение вряд ли слышал кто-либо ещё. А через несколько дней после публикации «Инонии» о ней восторженно заговорили критики. Так, 26 мая один из них, Иннокентий Александрович Оксёнов, в статье «Слово пророка» написал:

«Не всякому дано сейчас за кровью и пылью наших (всё же величайших) дней разглядеть истинный смысл всего совершающегося. И уж совсем немногие способны поведать о том, что они видят, достаточно ярко и для всех убедительно.

К последним немногим, отмеченным божьей милостью счастливым, принадлежит молодой рязанский певец, Сергей Есенин, выросший за три года в большого народного поэта. Венцом его творческой деятельности кажется нам поэма «Инония»... Пророчески звучит эта поэма. Небывалой уверенностью проникнуты её строки. Головокружительно высоки её подъёмы».

Восторги Оксёнова разделил и другой критик, Иванов-Разумник, написавший в журнале «Новый мир»:

«Нет, не с Христом борется поэт, а с тем лживым подобием его, с тем "анти-Христом", под властной рукой которого двадцать веков росла и ширилась историческая церковь».

Маяковский не мог не читать эти статьи. Он даже наверняка слышал «Инонию» в исполнении автора – Есенин декламировал её чуть ли не ежедневно, срывая оглушительные овации. От этих рукоплесканий «Человек» Маяковского мгновенно мерк и скукоживался. Его ревни-

вый автор не мог спокойно переносить чужую славу, которая день ото дня росла и ширилась. Не случайно писатель Валентин Катаев (в книге «Алмазный мой венец») назвал Есенина *«наиболее опасным соперником»* Маяковского. Подобное обстоятельство не могло не стать причиной возникновения желания дать этому *«опасному сопернику»* достойный ответ.

Но ответить можно было, лишь написав поэму с более *«головокружительно высокими подъёмами»*. И нарком Луначарский наверняка спрашивал поэта-футуриста, не забыл ли он про своё обещание написать пьесу к годовщине революции.

Сам нарком по просвещению в Москву не переехал, наркоматом руководил его заместитель Михаил Николаевич Покровский (мы с ним ещё встретимся). А Анатолий Васильевич Луначарский остался в Петрограде, чтобы, как он сам говорил, *«работать там с оставленными на опасных постах товарищами: Зиновьевым, Володарским, Урицким и другими»*.

Судьба флотоводцев

Наркомвоенмор Лев Троцкий просто бомбардировал командующего Балтийским флотом Алексея Щастного секретными телеграммами и телефонограммами, требуя начать подготовку к минированию кораблей. А адмирал, ссылаясь на решение Совета комиссаров и флагманов флота, готовить к уничтожению им же самим спасённые корабли категорически отказывался.

24 мая контр-адмирал Щастный подал в отставку. Узнав об этом, Троцкий тут же вызвал его в Москву на совещание в военно-морском наркомате.

А поэт Александр Блок в последний день мая 1918 года получил от Зинаиды Гиппиус её новую книгу «Последние стихи», в которых поэтесса высказывала все, о чем думала – цензуры тогда ещё не существовало. Книга начиналась со стихов, в которых высказалось отношение к поэме «Двенадцать» (их Гиппиус впоследствии назвала «Блоку Дитя, потерянное всеми...»):

*«Я не прощу. Душа твоя невинна,
Я не прощу ей – никогда...»*

Блок книгу прочёл и послал её автору свой ответ:

«... нас разделил не только 1917 год, но даже 1905-й, когда я ещё мало видел и мало сознавал в жизни...»

Неужели Вы не знаете, что "России не будет" так же, как не стало Рима – не в V веке после Рождества Христова, а в 1-й год I века? Также не будет Англии, Германии, Франции. Что мир уже перестроился? Что "старый мир" уже расплавился?»

Немного позднее этот прозаический текст был подкреплён стихами:

*«Женищина, безумная горячка!
Мне понятен каждый ваш намёк,
Белая весенняя горячка
Всеми гневаами звенящих строк!*

*Все слова – как ненависти жала,
Все слова – как колющая сталь!
Ядом напоённого кинжала
Лезвие целую, глядя вдаль...»*

Завершались эти стихи удивительно точным предсказанием:

«Страшно, сладко, неизбежно, надо

*Мне – бросаться в многопенный вал,
Вам – зеленоглазою наядой
Петь, плескаться у ирландских скал.*

*Высоко – над нами – над волнами, —
Как заря над чёрными скалами —
Веет знамя – Интернационал!»*

Александр Блок предсказывал Зинаиде Гиппиус её грядущую эмиграцию.

А Владимир Маяковский в это время снимал кинокартину о том, как некая кинематографическая балерина, в которую те-рой фильма был безумно влюблён, ускользала от него и оказывалась в недоступном для всех прочих мире Кино.

Тем временем вызванный на совещание в военный наркомат контр-адмирал Щастный приехал в Москву В ВЧК уже знали, что командующий Балтийским флотом везёт с собой портфель документов, свидетельствующих о связях вождей большевиков с кайзеровской Германией. Троцкий потом сказал на суде:

«– Вы знаете, товарищи судьи, что Щастный, приехавший в Москву по нашему вызову, вышел из вагона не на пассажирском вокзале, а за его пределами, в глухом месте, как и полагается конспиратору. И ни одним словом не обмолвился о лежащих в его портфеле документах, которые должны были свидетельствовать о тайной связи советской власти с немецким штабом».

Эти слова наркомвоенмора свидетельствуют о том, что к командующему флотом большевики приставили филёров, следивших за каждым его шагом.

Как бы там ни было, но в военный наркомат Алексей Щастный явился, и его принял народный комиссар Лев Троцкий. Между ними тотчас вспыхнул спор, и контр-адмирал по распоряжению наркома был арестован и отправлен в Таганскую тюрьму. Чуть позднее было объявлено, что Щастный задержан «за преступления по должности и контрреволюционные действия».

Вожди большевиков явно перепугались решительного противодействия адмиралов и старших офицеров российского флота тому, с какой лёгкостью партия Ленина собиралась расстаться с военными кораблями своей страны. Поэтому приказы на уничтожение флота стал отдавать не наркомвоенмор Троцкий, а сам глава Совнаркома Ульянов-Ленин. И 28 мая (на следующий день после ареста Щастного) Владимир Ильич отправил в Новороссийск секретную телеграмму:

«Ввиду явных намерений Германии захватить суда Черноморского флота, находящегося в Новороссийске, и невозможности обеспечить Новороссийск с сухого пути или перевода в другой порт, Совет Народных Комиссаров, по представлению Высшего военного совета, приказывает вам с получением сего уничтожить все суда Черноморского флота и коммерческие пароходы, находящиеся в Новороссийске. Ленина.

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Михаил Павлович Саблин приказ председателя Совнаркома получил, но приступать к его выполнению не стал, так как был категорически с ним не согласен. Об этом он тотчас же сообщил в Москву

Большевики к его отказу были готовы и тотчас дали команду избавиться не только от флота, но и от несговорчивых флотоводцев. Об этом – в воспоминаниях Надежды Мандельштам (в них речь идёт о заместителе Троцкого по морским делам Фёдоре Раскольникове и его жене Ларисе Рейснер, а Осип Мандельштам представлен инициалами – О.М.):

«Со слов ОМ. я запомнила следующий рассказ о Ларисе: в самом начале революции понадобилось арестовать каких-то военных, кажется, адмиралов, военспецов, как их тогда называли. Раскольников вызвался помочь в этом деле; они пригласили адмиралов к себе, те явились

откуда-то с фронта или из другого города. Прекрасная хозяйка угощала и занимала гостей, и чекисты их накрыли за завтраком без единого выстрела. Операция эта была действительно опасная, но она прошла гладко благодаря ловкости Ларисы, заманившей людей в западню».

После этого Ульянов-Ленин вызвал Раскольникову к себе, поблагодарил за содействие и послал в Новороссийск, чтобы он поспособствовал скорейшему затоплению кораблей Черноморского флота.

17 июня 1918 года отправились в дорогу и Маяковский с Бриками. Попрощавшись на Петроградском вокзале Москвы с провожавшими их Эльзой Каган, Львом Гринкругом и Романом Якобсоном, они поехали в город на Неве.

И тут возникает закономерный вопрос: почему же всё-таки Маяковский покинул первопрестольную? Что произошло? Ведь «Закованная фильмой» была не закончена и требовала продолжения. Картина завершалась тем, что главная её героиня, которую играла Лили Брик, оказывалась в фантастической киностране «Любляндии». Художник, которого играл Маяковский, бросился на поиски этой страны.

Василий Васильевич Катанян в книге «Лиля Брик, Владимир Маяковский и другие мужчины» пишет:

«Поиски должны были сниматься во второй серии, но она не состоялась».

Почему?

Об этом никто из биографов поэта не сообщает.

Видимо, произошло нечто экстраординарное, заставившее поэта бросить все дела и стремительно уехать в Петроград. Какие-то могущественные силы вмешались в судьбу поэта, переключив её по-своему.

А жизнь тем временем продолжалась.

События, события...

Шла вторая половина июня 1918 года. Покинув Москву, ставшую столицей страны Советов, Брики и Маяковский оказались в Союзе Коммун Северной области, главным городом которого являлся Петроград.

Северная Коммуна возникла после того, как город на Неве покинуло руководство Советской России. В Петроград, который и без того жил довольно скудно, тотчас же пришла нищета, его обитатели стали отапливать свои жилища сломанной мебелью и обменивать оставшийся скарб на зерно, картофель и молоко. Множество переселенцев потянулось в места, где было не так голодно. Питер начал вымирать.

И тогда (26 апреля 1918 года) собрался Первый съезд Советов Северной области, в которую входили Петроградская, Новгородская, Псковская, Олонецкая, Архангельская и Вологодская губернии. Делегаты учредили новые руководящие органы: Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) и Совет комиссаров во главе с «большевиком № 2», которого ещё совсем недавно называли «оруженосцем» Ленина – Григорием Евсеевичем Зиновьевым (Овсеем-Гершелем Ароновичем Радомысльским). Лев Троцкий о нём писал:

«Зиновьев был прирождённый агитатор... Противники называли Зиновьева наибольшим демагогом среди большевиков... На собраниях партии он умел убеждать, завоёвывать, заводраживать, когда являлся с готовой политической идеей, проверенной на массовых митингах и как бы насыщенной надеждами и ненавистью рабочих и солдат».

Художнику Юрию Анненкову запомнилось другое:

«Григорий Зиновьев, приехавший из эмиграции худым как жердь, так откормился и ожирел в голодные годы революции, что был даже прозван Ромовой бабкой».

Об этом человеке высказалась и Зинаида Гиппиус:

«Любопытно видеть, как "следует" по стогнам града "начальник Северной Коммуны". Человек он жирный, белотелый, курчавый. На фотографиях, в газете, выходит необыкновенно похожим на пышную, старую тётку. Зимой и летом он без шапки... Когда едет в своём автомобиле, – открытым, – то возвышается на коленях у двух красноармейцев. Это его личная охрана. Он без неё никуда, он трус первой руки. Впрочем, они все трусы. Троцкий держится за семью замками, а когда идёт, то охранники его буквально теснят в кольцо, давят кольцом».

То, что вожди большевиков прятались за спинами вооружённой охраны, объяснялось просто – они боялись покушений. Особенно после Брестского мира.

В воспоминаниях Юрия Анненкова год 1918-й описан как пора...

«... когда ленинские лозунги летали повсюду: "Грабь награбленное!", "Кулаком в морду, коленом в грудь!", "Смерть буржуям!" и тому подобное...»

А служивший в Красной армии (фельдшером в госпиталях Северного фронта) и оказавшийся на территории Северной Коммуны поэт Алексей Ганин писал:

*«Близок свет. Пред рассветной встречей
Причащаются травы росой.
Поклонись – и мольбой человечью
Не смуди голубиный покой».*

Писавший эти строки словно предчувствовал то, что очень скоро произошло на Чёрном море: 17 июня команды линкора «Воля», а также нескольких эсминцев и миноносцев всё-таки решили вернуться в Севастополь. И отправились туда.

А на следующий день под руководством посланца Ленина Фёдора Раскольникова начался процесс затопления боевых кораблей, команды которых не пожелали сдаваться неприятелю. Корабли вошли в Цемесскую бухту, подняли сигнал «Погибаю, но не сдаюсь!», и эскадренный миноносец «Керчь» с небольшого расстояния по очереди расстрелял их. После этого последний оставшийся на плаву боевой корабль отправился в Туапсе, откуда послал в эфир радиogramму:

«Всем, всем, всем. Погиб, уничтожив часть судов Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче Германиии. Эскадренный миноносец "Керчь"».

Утром 19 июня «Керчь» была затоплена у Кадошского маяка неподалёку от Туапсе.

Все газеты юга России напечатали тогда эту последнюю радиogramму с боевого корабля. А в московских газетах появилась лишь небольшая заметка за подписью наркома по иностранным делам Георгия Чичерина. В ней говорилось:

«Часть бывших в Новороссийске судов Черноморского флота возвратились в Севастополь, остальная же часть была командой взорвана».

Немцы в Севастополе объявили вернувшихся матросов военнопленными и подняли над их кораблями кайзеровские военно-морские флаги.

Такой была обстановка в стране, когда из Москвы в Петроград приехал Владимир Маяковский. В «Хронике жизни и деятельности» поэта-футуриста сказано, что он:

«Во второй половине июня вернулся в Петроград».

Первые, кого посетили Брики и Маяковский, были Алексей Максимович Горький и его жена Мария Фёдоровна Андреева. Горький, как мы помним, часто заезжал в гости к Лили Юрьевне и Осипу Максимовичу, а в день большевистского переворота он и вовсе целый вечер играл у них в карты. И хотя никаких свидетельств о посещении Бриками пролетарского писателя обнаружить не удалось, эта встреча не могла не состояться.

Горький в тот момент был активнейшим противником политики большевиков, продолжая регулярно публиковать в своей «Новой газете» заметки под названием «Несвоевременные мысли».

Мария Андреева взгляды мужа полностью разделяла и при встрече со старыми знакомцами наверняка высказывалась о том, что происходило в стране, надо полагать, весьма откровенно и довольно хлётко. Партийный стаж у неё был весьма солидный – в РСДРП она вступила, когда Маяковский ещё только начинал учиться в гимназии. Сам Ульянов-Ленин уважительно называл её *«товарищ Феномен»*, и эти слова стали партийной кличкой Андреевой. В царское время огромные суммы из гонораров Горького попадали в распоряжение большевиков через руки Марии Фёдоровны.

Маяковский вряд ли знал обо всём этом, но то, что всеми театральными делами города на Неве заправляет Мария Андреева, было ему хорошо известно.

Поэту-футуристу прямо было сказано, что никакой годовщины большевистского переворота в подведомственных ей театрах отмечать не будут. Но заказанная Маяковскому пьеса окажется весьма кстати, так как именно сейчас Алексей Максимович и она заняты созданием нового театрального коллектива. Организуется *«театр трагедии, романтической драмы и высокой комедии»*, которому позарез необходим репертуар в духе революции февраля 1917 года. Поэту напомнили, что его пьеса должна быть революционной. Революция эта должна быть всемирно-социалистической, но без каких бы то ни было восхвалений большевиков. Ленина и его сподвижников следовало подвергнуть жесточайшей критике.

На этом наставления Андреевой, надо полагать, завершились, и она пригласила Маяковского в свой рабочий кабинет в Петроградском пролеткульте, чтобы там всё окончательно обговорить более подробно и обстоятельно. Об этом впоследствии в автобиографических заметках «Я сам» появилась фраза:

«Заходил в Пролеткульт к Киесинской».

Впрочем, зайти в Пролеткульт поэт смог, видимо, только через неделю, а то и через две – слишком много вдруг произошло событий, и почти все они были чрезвычайными.

Первые жертвы

В четверг 20 июня в 12 часов дня в Москве собрались на заседание члены Революционного трибунала. Слушалось дело Алексея Михайловича Щастного, которого обвиняли в неисполнении приказов Совнаркома и наркомвоенмора, требовавших минирования кораблей Балтийского флота для подготовки их к взрыву

Единственный свидетель (он же и главный обвинитель) Лев Троцкий доложил:

«Щастный делал совершенно невозможным подрыв флота в нужную минуту, ибо сам же искусственно вызывал у команд такое представление, будто бы этот подрыв делается не в интересах спасения революции и страны, а в каких-то посторонних интересах, под влиянием каких-то враждебных революции и народу требований...»

С неменьшим возмущением упомянул Троцкий и о привезённых из Петрограда документах, которые свидетельствовали о связях большевиков с немецким Генеральным штабом:

«Грубость фальсификации не могла не быть ясна адмиралу Щастному. Как начальник флота Советской России, Щастный обязан был немедленно и сурово выступить против изменнической клеветы».

Речь Троцкого состояла из подобных голословных утверждений, не подкреплённых никакими доказательствами. Защита (а защищал Щастного опытный юрист) разбила все обвинения в пух и прах. Но контр-адмирала это не спасло, так как его судьба была решена большевистскими вождами заранее. Ревтрибунал приговорил Алексея Щастного к расстрелу. Это был первый смертный приговор, который был вынесен в стране Советов.

Московские газеты о том приговоре командующему Балтийским флотом ничего не сообщали. Но молва очень скоро сделала это событие достоянием всех.

А в Петрограде на следующий день весь город говорил о мести, совершённой как бы в ответ на решение Революционного трибунала. Газета «Северная Коммуна» напечатала информацию об убийстве...

«... тремя выстрелами из револьвера неизвестным лицом народного комиссара агитации, печати и пропаганды тов. В.Володарского».

26-летний нарком пропаганды В.Володарский (Моисей Маркович Гольдштейн) установил в Северной Коммуне жесточайшую политическую цензуру, закрыл около полутора сотен небольшевистских газет, выходивших тиражом более двух миллионов экземпляров. Эсеры вынесли ему смертный приговор. И 20 июня Володарский был застрелен.

На это событие Маяковский тоже не откликнулся. Петроградская «Красная газета» напечатала стихи другого поэта – Василия Князева:

*«Всех народу родней,
Сын весны пролетарской —
Первых солнечных дней
Первых ярких огней,
Весь — поэма о ней,
Володарский!..»*

*Вот писатель, принесший Коммуне свой дар —
Вольной лиры мятежные струны,
Вот поэт площадей, огнекрылый Икар,
Барабанищик эпохи Коммуны».*

Весь Петроград тотчас оклеили плакатами, из которых неслись угрозы:

«Они убивают личности, мы убьём классы!»

Рассказывая о похоронах убитого наркома, газета «Правда» сообщила:

«Несмотря на проливной дождь, улицы с утра полны народом. Вокруг Таврического дворца сплошная масса рабочих и красноармейцев».

Выпускавшаяся Горьким газета «Новая жизнь» тоже клеймила убийцу:

«Проклятие руке, поднявшейся против одного из видных вождей петроградского пролетариата!»

Отовсюду неслись требования незамедлительных репрессий против «буржуев», которые, если их не наказать без всякой жалости, всех «наших вождей поодиночке перебьют». Но Моисей Соломонович Урицкий (один из вождей Петрограда, назначенный 10 марта главой петроградской ЧК, а в апреле ставший комиссаром внутренних дел Северной коммуны) настоял на том, чтобы никаких репрессий не было.

Впрочем, аресты при Урицком не прекратились – по его приказу был арестован Великий князь Михаил Александрович. Задержанный вместе с ним граф Валентин Платонович Зубов (директор Гатчинского музея, назначенный на этот пост самим наркомом Луначарским) так описал встречу с главным чекистом Петрограда:

«... перед серединой стола сидело существо отталкивающего вида, поднявшееся, когда мы вошли, приземистое, с круглой спиной, с маленькой, вдавленной в плечи головой, бритым лицом и крючковатым носом, оно напоминало толстую жабу. Хриплый голос походил на свист, и, казалось, сейчас изо рта начнёт течь яд. Это был Урицкий».

После той встречи по постановлению Петроградской ЧК Великого князя выслали в Пермскую губернию.

Воспоминания об Урицком оставил и писатель Марк Александрович Алданов (Ландау):

«Вид у него был довольно противный, хотя и гораздо менее противный, чем, например, у Троцкого или у Зиновьева...»

Урицкий всю жизнь был меньшевиком... У меньшевиков Урицкий никогда не считался крупной величиной».

А в Москве сразу же после оглашения приговора Щастному его адвокат подал протест с требованием пересмотра несправедливого решения Ревтрибунала. Но Ленин и Свердлов приговор поддержали. Явно в ответ на убийство Володарского.

37-летний контр-адмирал Алексей Михайлович Щастный был расстрелян на рассвете 22 июня (или 23-го). Расстреливали его «красные китайцы». Во дворе Александровского военного училища (в самом центре Москвы). Командовал расстрельной командой россиянин по фамилии Андреевский. Он потом вспоминал:

«Я подошёл к нему: "Адмирал, у меня маузер. Видите, инструмент надёжный. Хотите, я застрелю вас сам?" Он снял морскую белую фуражку, отёр платком лоб. "Нет! Ваша рука может дрогнуть, и вы только раните меня. Лучше пусть расстреливают китайцы. Тут темно, я буду держать фуражку у сердца, чтобы целились в неё"».

Последними словами, которые произнёс контр-адмирал, были:

«– Смерть мне не страшна. Свою задачу я выполнил – спас Балтийский флот».

Часы показывали 4 часа 40 минут утра, когда, по словам Андреевского:

«Китайцы зарядили ружья. Подошли поближе. Щастный прижал фуражку к сердцу.

Была видна только его тень да белая фуражка...»

Грянул залп. Щастный, как птица, взмахнул руками, фуражка отлетела, и он тяжело рухнул на землю».

Кремль сразу же запросили, где хоронить расстрелянного. Вожди ответили:

«Зарыть в училище, но так, чтобы невозможно было найти».

И Щастного китайцы замуровали под полом одного из кабинетов.

Через какое-то время, комментируя эту расправу, Троцкий сказал:

«... впрямь советская власть не будет останавливаться ни перед чем для подавления контрреволюции».

Лев Олькеницкий-Никулин привёл в своих воспоминаниях высказывание Ларисы Рейснер, убеждённо заявившей:

«Да, мы расстреляли Щастного! Мы расстреливали и будем расстреливать контрреволюционеров! Будем! Британские подводные лодки атакуют наши эсминцы, на Волге начались военные действия».

А Владимир Маяковский никаких воспоминаний об этих весьма драматичных событиях не оставил. В «Я сам» о той поре – всего три слова (даже название города на Неве дано на старый манер):

«Июнь. Опять Петербург».

Новые герои

Четырёхмесячные выступления в «Кафе поэтов» и тесное общение с его анархистски настроенными завсегдаями сильно повлияли на мировоззрение Владимира Маяковского. Взгляды анархистов были ему явно по душе и стали во многом определять его высказывания и поступки. Поэтому точно так же, как в декабре 1917 года, когда поэт-футурист уехал из Петрограда, отказавшись сотрудничать с большевиками, так и в июне 1918-го он расстался с Москвой, поскольку во многом расходился во взглядах с теми, кто начал управлять Россией.

Можно, пожалуй, даже сказать, что Маяковский панически бежал из первопрестольной. Точно так же, как незадолго до этого её покинул Давид Бурлюк, опасаясь, что за связи с анархистами им могут заинтересоваться чекисты. Вполне возможно, что Маяковского тоже вызы-

вали на допрос в МЧК и весьма сурово с ним побеседовали. После этой беседы Владимир Владимирович и решил поскорее покинуть Москву.

Но, как известно, свято место пусто не бывает, и в это же самое время в большевистской столице объявился ещё один анархист, который тоже складывал стихи. Родился он в 1888 году в Екатеринославской губернии в небольшом селе с весёлым названием – Гуляйполе. Его родители были крестьянами. Дату рождения сына они записали годом позже, чтобы спустя годы им не пришлось отдавать слишком молодого паренька в армию.

Восьми лет юный гуляйполец пошёл в сельскую школу. Об этом он сам впоследствии написал:

«Зимую я учился, а летом нанимался к богатым хуторянам пасти овец или телят. Во время молотбы гонял у помещиков в арбах волов, получая по 25 копеек в день».

Окончив два класса, паренёк учение прекратил, примкнул к группе анархистов, которая занималась грабежами, и стал осваивать новую для себя профессию. Но вскоре грабителей начали арестовывать, и наш юный анархист тоже оказался в тюрьме. В 1908 году его арестовали в очередной раз (по обвинению в убийстве чиновника военной управы). В 1910 году был объявлен приговор: смертная казнь через повешенье. Обречённого гуляйпольца спасло то, что по документам он был слишком молод (спасибо родителям, изменившим год рождения сына). Смертную казнь заменили бессрочной каторгой.

Наказание отбывал в Москве – в каторжном отделении Бутырской тюрьмы, где принялся изучать историю, математику, литературу, перечитав, по его собственным словам...

«... всех русских писателей, начиная с Сумарокова и кончая Львом Шестовым».

Лев Исаакович Шестов (Иегуда Лейб Шварцман) был российским философом-экзистенциалистом, чью книгу «Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления)», видимо, и читал юный анархист-каторжанин.

Ещё он начал слагать стихи. Точно так же, как годами раньше сочинял их в той же Бутырке юный Маяковский. Но будущий поэт-футурист к своим тюремным виршам впоследствии относился критически, да и тетрадь с ними при освобождении жандармы у него отобрали – все четверостишия канули в Лету. А стихи каторжанина-гуляйпольца (пусть тоже ещё не очень звучные и ладные) сохранились:

*«Гей, батько мой, степь широкая!
А поговорю я ещё с тобою...
Ведь молодые же мои бедные года
Да ушли за водою...»*

*Ой, вы звёзды, звёзды ясные,
Уже красота мне ваша совсем не мила...
Ведь на тёмные мои кудри да пороша
Белая легла».*

Из тюремных застенков автора этих строк 2 марта 1917 года освободила Февральская революция. Вернувшись в родное Гуляйполе, он организовал отряд «Чёрная гвардия» и стал нападать на поезда: грабить и убивать помещиков, богачей, царских офицеров. Потом сражался с войсками немецкого кайзера, которые после подписания Брестского мира оккупировали Украину. Затем отправился в Советскую Россию, чтобы познакомиться с тем, как в ней развивается анархистское движение.

Звали этого поэта, каторжника и анархиста **Нестор Иванович Махно**.

Нестор Махно, 1919 г.

Впечатления, полученные от посещения «красных» губерний Советской России, совсем его не обрадовали. Диктатура пролетариата, которую с неимоверным энтузиазмом насаждали в стране большевики, по мнению убеждённого анархиста, только раскалывала трудовой народ. Чтобы проверить свои ощущения, в июне 1918 года Махно отправился в Кремль, где его приняли сначала Ленин, затем Каменев, Зиновьев и Троцкий. После бесед с вождями советской власти Нестор Иванович написал:

«Нет партий, а есть кучки шарлатанов, которые во имя личных выгод и острых ощущений... уничтожают трудовой народ».

29 июня 1918 года Махно покинул Москву. Вернувшись в родное Гуляйполе, он под чёрным знаменем анархии принялся поднимать трудовой люд на всеобщее восстание против иноземных войск, захвативших Украину.

В это время в Закавказье под давлением Турции (но в полном соответствии с Брестским миром) была провозглашена независимая от России Закавказская Социалистическая Федера-

ция Советских Республик (ЗСФСР). Произошло это 22 апреля. А через три дня в Баку на заседании Бакинского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов был образован Совет Народных Комиссаров (СНК), состоявший из большевиков и левых эсеров. Председателем Бакинского Совнаркома стал большевик Степан Георгиевич Шаумян, являвшийся ещё и чрезвычайным комиссаром российского СНК по делам Кавказа. Так родилась Бакинская коммуна (на день раньше создания Коммуны Северной).

Среди тех, кто голосовал за её создание, был молодой человек, которого звали *Яков Исаакович Серебрянский*. Он родился в 1891 году в бедной еврейской семье, окончил четырёхклассное городское училище в городе Минске (то есть образование у него – те же четыре класса, как и у Маяковского). Во время учёбы Яков вступил в ученическую революционную организацию (снова как Маяковский). Только его однопартийцами стали не погрязшие в межпартийных дискуссиях социал-демократы, а эсеры-максималисты – те, что устраивали покушения на царских министров, губернаторов и полицейских чинов. Вскоре юный эсер Серебрянский был арестован, год просидел в тюрьме. Потом служил в армии. Во время Первой мировой войны был тяжело ранен и демобилизован. Он перебрался в Баку, где работал электромонтёром на нефтяных приисках, которыми управлял Натан Соломонович Беленький.

После февраля 1917 года Серебрянский активно участвовал в работе партии социалистов-революционеров. Был членом Бакинского Совета и делегатом от партии эсеров на Первом съезде Советов Северного Кавказа.

Фамилия Серебрянский у биографов Маяковского не встречается. И совершенно напрасно – судьбы Якова Исааковича и Владимира Владимировича пересекутся в ответственный момент жизни поэта. Поэтому мы будем присматриваться к этому молодому человеку очень внимательно.

А пока вернёмся в Петроград лета 1918 года. Там тогда началась эпидемия холеры, и петроградцы всеми силами старались от неё укрыться. Лили Брик писала:

«После "Закованной фильмом" поехали в Левашово, под Петроград. Сняли три комнаты с пансионом».

От мест, где свирепствовала холера, посёлок Левашово находился достаточно далеко, и это надёжно защищало от заражения. А *«три комнаты»* возникли из-за того, что летом 1918 года Лили Брик официально стала гражданской женой Владимира Маяковского.

В самом начале нашего повествования мы предупредили читателей, что те эпизоды из жизни поэта революции, которые хорошо изучены и достаточно подробно освещены его многочисленными биографами, будут представлены в их описаниях. То есть всё то, что уже опубликовано о Маяковском, мы *с огромной благодарностью к опубликовавшим* процитируем.

Этот момент настал. Мы уже цитировали высказывание Василия Васильевича Катаняна, про которого в его книге «Лили Брик, Владимир Маяковский и другие мужчины» сказано, что он...

«... полвека (!) знал Лиллю Юрьевну, был постоянным свидетелем её повседневной жизни, не прекращая вёл дневниковые записи её бесед и рассказов о Маяковском и не только о нём...»

После смерти Лили Юрьевны Василий В. Катанян стал её душеприказчиком и хранителем бесценного архива, который содержит переписку, интимные дневники и биографические записи».

Пришла пора обратиться и к шведу Бенгту Янгфельдту, который (в его книге «Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг») представлен так:

«Бетт Янгфельдт – шведский писатель, учёный славист, переводчик русских поэтов (В.Маяковского, О.Мандельштама, И.Бродского и др.), один из лучших знатоков жизни и творчества Маяковского, положивший, по отзывам критики, "основу всему будущему маяковсковедению". За биографию Маяковского Б.Янгфельдт получил в 2007 г. премию Августа Стринберга ("шведский Букер")».

Ситуацию с гражданским браком Владимира Маяковского Бенгт Янгфельдт разъяснил словами самой Лили Брик:

«Только в 1918 году я могла суверенностью сказать Осипу Максимовичу о нашей любви, – объясняла она, добавляя, что немедленно бросила бы Володю, если бы Осипу это пришлось бы не по душе. Осип отвечал, что ей не нужно бросать Володю, но она должна обещать, что они никогда не будут жить по отдельности. Лили сказала, что не допускает даже мысли об этом. "Так оно и получилось: мы всегда жили вместе с Осей"».

В.В.Катанян рассказал и о впечатлении, которое произвела эта «семейная» история на мать Лили Юрьевны. Приехав в большевистскую Северную Коммуну, она обнаружила коммуны семейную, в которой главенствовала её дочь:

«Приехав туда, Елена Юльевна, мать Лили, всё поняла. Поняла, что добропорядочный брак дочери распался, что она связала свою жизнь с Маяковским, который недавно ещё ухаживал за её младшей дочерью, и которого она знала от неё как человека чуждого им круга. Л как ведёт себя в таком случае Брик? Он спокоен. Она же была в шоке».

В Петрограде Елена Юльевна Каган оказалась потому, что собралась поехать за границу.

Отъезд за рубеж

В ту пору страну Советов стремились покинуть очень многие. Об этом – Бенгт Янгфельдт:

«... семья Яacobсон... уехала из России летом 1918-го, взяв с собой Сергея, младшего брата Романа. Сам же Роман в это время скрывался в деревне из-за членства в кадетской партии».

Решила оставить родную страну и Эльза Каган. Роману Яacobсону, в течение нескольких лет настойчиво ухаживавшему за ней, был дан решительный отказ.

Вот что по этому поводу написала сама Эльза:

«В 18-м году сдавала экзамены, получила свидетельство об окончании архитектурно-строительного отделения Московских женских строительных курсов, помеченное 27 июня 1918 года. На той же Ново-Басманной, где находились мои курсы, в бывшем Институте благородных девиц мне выдали заграничный советский паспорт, в котором значилось: "для выхода замуж за офицера французской армии", а в паспорте моей матери стояло: "для сопровождения дочери". Товарищ, который выдал мне паспорт, сурово посмотрел на меня и сказал в напутствие: "Что у нас своих мало, что вы за чужих выходите?"»

Со своим женихом, французским офицером Андре Триоле, находившемся в России с военной миссией, Эльза познакомилась ещё в 1917 году. Зарегистрировать брак предполагалось в Париже, куда она и направлялась вместе с матерью.

Это предсвадебное путешествие поставило в недоумение многих биографов Маяковского. Даже весьма информированный Янгфельдт писал:

«Отъезд и брак Эльзы окружены множеством вопросительных знаков. Почему Эльза так скупо упоминает об этих жизненно важных событиях в своих воспоминаниях? Почему отсутствуют свидетельства других людей, например, Лили?»

Почему Эльза не вышла замуж в Москве, а уехала для этого в Париж? Отсутствие точных фактов прямо пропорционально количеству вопросов, которые неизбежно возникли бы при более подробном изложении дела».

Ещё более эмоционально высказал своё недоумение Аркадий Ваксберг в книге «Загадка и магия Лили Брик». О ней Бенгт Янгфельдт высказался так:

«Нахожусь под большим впечатлением от этой книги. В ней впервые освещается жизнь Маяковского и его ближайшего окружения с перспективы советского полицейского государ-

ства 20 – 30-х годов. Только на этом страшном, нелитературном фоне можно понять сложное и противоречивое поведение людей того поколения».

О поездке Эльзы Каган во Францию Аркадий Ваксберг высказался, напомнив, что страной Советов (Сов), по утверждению большевиков, управляли народные депутаты (деп), и поэтому её в ту далёкую пору называли «совдепией»:

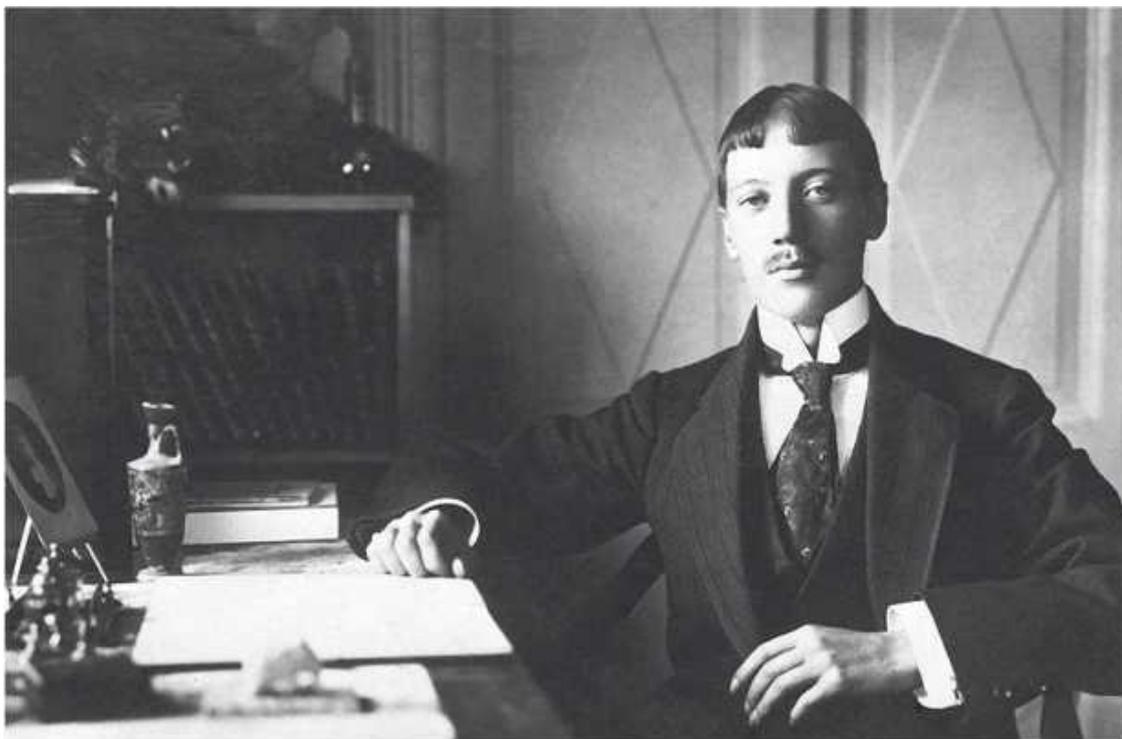
«Как могла рассчитывать Эльза на выезд в Европу из подвергнутой блокаде России, где большевики сами лишили своих сограждан свободы передвижения? Из совдепии не выезжали – из неё бежали, рискуя жизнью и не ведая о том, что ждёт беглеца впереди. <...> А вот Эльза уезжала, как уезжают все нормальные люди в нормальной стране в нормальные времена. История её отъезда полна неразгаданных до сих пор загадок. Ни на один вопрос, который естественно возникает, нет ответов. Впрочем, и вопросов этих почему-то никто не поставил. Ни тогда, ни потом».

Впрочем, Янгфельдт несколько вопросов задал, выдвинув свою версию отъезда:

«Эльза с матерью бежали из большевистской России, в чём она впоследствии призналась в частной беседе: она "ненавидела революцию", которую называла "крайне неприятной"...

Но кто выступил главным инициатором отъезда? Эльза? Или мать, которая, как и младшая её дочь, была от большевизма в ужасе?..

Чаша терпения Елены Юльевны и Эльзы переполнилась, когда их "уплотнили", подселив новых соседей – не "семью рабочего", как писала в воспоминаниях Эльза, а пятерых красногвардейцев, которые терроризировали обеих женщин до такой степени, что им приходилось каждую ночь баррикадировать двери».

Николай Гумилев

Впрочем, были всё-таки в те времена люди, которые в Россию возвращались. К их числу относился служивший во Франции офицер бывшей царской армии Николай Гумилёв, известный поэт и муж поэтессы Анны Ахматовой. 10 апреля 1918 года он отправился на родину, сказав друзьям, которые безуспешно пытались его отговорить:

«– Я думаю, что большевики не опаснее львов».

Кто знает, может быть, он произнёс ещё и четверостишие, написанное в 1914 году:

*«Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьётся в груди моей».*

Поэт Гумилёв рвался на родину.

Появившись в конце апреля в Петрограде, он быстро разобрался в обстановке, стал всюду громогласно объявлять себя монархистом и принялся в открытую креститься, завидев какой-нибудь храм.

А вот Эльза Каган и её мать, получив документы, необходимые для выезда из страны, в самом начале июля 1918 года приехали в Петроград, чтобы, сев на пароход, Россию покинуть.

На Дальнем Востоке в тот момент ситуация складывалась весьма драматично. Пятидесяти тысячный корпус чехословаков, отправлявшийся через Сибирь во Францию, 29 июня сверг советскую власть во Владивостоке. Почти весь состав Владивостокского Совета был арестован. 1 июля Дальсовнарком обратился к трудящемуся населению с воззванием, в котором призывал выступить на защиту советской власти. На Дальнем Востоке появился Уссурийский фронт.

В Петрограде об этом ещё ничего не знали. Эльза писала: *«Володя и Лилия уехали вдвоём в Левашиво под Петроградом. Для мамы такая перемена в Лилиной жизни, к которой она совсем не была подготовлена, оказалась сильным ударом. Она не хотела видеть Маяковского и готова была уехать, не попрощавшись с Лилей. Я поехала в Левашиво одна».*

Предсвадебное путешествие

Даже имея заграничный паспорт, покинуть страну Советов было тогда не так-то просто. Вот какую информацию опубликовала горьковская «Новая жизнь» ещё 10 марта 1918 года:

«Действия и распоряжения Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов

В Мариинском дворце выдаются разрешения на выезд из Петрограда на дальние расстояния только лицам, уезжающим в качестве делегатов по срочным служебным командировкам.

... для поездок дальше станции Белоостров необходимо разрешение от Штаба Округа. Зав. Отделом Е. Соловей»

14 марта та же «Новая жизнь» опубликовала нечто вроде добавления:

«Все лица, выезжающие из Петрограда, хотя бы и временно, обязаны сдать свои продовольственные карточки в местный продовольственный орган».

Не имея продовольственных карточек, приобрести что-либо съестное было практически невозможно.

Обращались ли Эльза с матерью в Мариинский дворец или в Штаб Округа, неизвестно. Скорее всего, делать этого им не пришлось – ведь все необходимые для поездки бумаги они получили в Москве. Правда, возникает вопрос, в каком учреждении?

Единственным ведомством, выдававшим настоящие *«заграничные паспорта»*, а не липовые бумажки с подписью какого-нибудь большевистского комиссара, была ВЧК. Тут следует также учесть, что Эльза Каган отправлялась не в какую-то границу вообще, а во Францию, и это вызвало у Аркадия Ваксберга очень большое недоумение:

«Ещё в марте 1918-го началась англо-франко-американская интервенция с целью свергнуть советскую власть. "Офицер французской армии" ради брака с которой Эльза отправ-

лялась за границу, служил, таким образом, в войсках, которые вели войну с властями, выдавшими Эльзе заграничный паспорт. Непостижимым образом её благословили на супружество с офицером-противником. Для этой цели отправили за границу. С поразительной непосредственностью причину отправки записали в паспорт открытым текстом. Да ещё дали в сопровождение мать...»

Единственным логичным объяснением беспрепятственного выезда Эльзы и её матери за рубеж может быть какая-то заинтересованность в их поездке чекистов.

– Не оттого ли эта важнейшая страница биографии Эльзы полна белых пятен? – задавался вопросом Аркадий Ваксберг.

С Эльзой Каган в нашем повествовании мы встретимся ещё не раз, и у нас будет возможность поломать голову над загадками её биографии. А пока – небольшой, но весьма примечательный штрих.

В последнем томе 13-томного собрания сочинений Маяковского, вышедшем в 1961 году, есть подробнейший «Указатель имён», в котором упомянуты все те, с кем поэт общался, имел какие-либо дела. Откроем раздел на букву «Э»:

«Эличка, Эльза, Эль зк а, Элька – см. Триоле Э.Ю.»

Смотрим раздел на букву «Т»:

«Триоле Эльза Юрьевна (р. 1896), французская писательница, общественный деятель».

И всё!

Выходит, что ласкательно-уменьшительными именами Маяковский называл какую-то загадочную заграничную «писательницу», чьи произведения в Советском Союзе мало кто читал. То есть Эльзу Юрьевну советская власть от себя как бы решительно отторгала. Почему? Об этом мы тоже ещё поразмышляем.

Л.Ю. Брик, Е.Ю. Каган, Э.Ю. Триоле. 1920-е годы

А пока вернёмся в год 1918-ый. Отъезд Эльзы Каган и её матери из страны большевиков Бенгт Янгфельдт прокомментировал ещё и так:

«Если у Эльзы желание уехать из Советской России действительно могло быть продиктовано чувствами к будущему мужу, то в случае с Еленой Юльевной нет сомнений: записанные в её паспорте слова о "сопровождении дочери" были всего лишь удобным предлогом, а на самом деле она ехала в Лондон, чтобы там остаться».

В Лондоне жил Лео Юльевич Берман, родной брат Елены Юльевны Каган.

Узнав от сестры, что мать решительно отказалась приехать в Левашово, Лили Брик сама поехала проводить отбывавших. Эльза потом вспоминала:

«Жара, голодно, по Петрограду гниют горы фруктов, есть их нельзя (оттого, что холера, как сыщик, хватает людей где попало, на улице, в трамвае, по домам). С немислимой тоской смотрю с палубы на Лиличку, которая тянется к нам, хочет передать нам свёрток с котлетами, драгоценным мясом. Вижу её удивительно маленькие ноги в тоненьких туфлях рядом с вонючей, может быть, холерной лужей, её тонкую фигуру, глаза».

Наконец, пароход «Онгерманланд» медленно отходит от причала и берёт курс на запад. Случилось это 4 июля 1918 года.

Эльза Каган полагала, что уезжает совсем ненадолго:

«А я-то думала, что через каких-нибудь три-четыре месяца вернусь!»

Однако жизнь распорядилась иначе.

Вспомним, что это была за жизнь.

Накануне бунта

Начнём с воспоминаний Юрия Анненкова о его загородном доме в Куоккале:

«В моём "родовом" куоккальском доме, прозванном там "литературной дачей" и отделённом узкой дорогой от знаменитой мызы Лентула, где много лет провёл Горький, жили дружка моего отца: освобождённая из Шлиссельбурга Вера Фигнер, Владимир Галактионович Короленко, Николай Фёдорович Анненский, редактор "Русского богатства" и его старушка-жена Александра Никитична, переведшая для нас, для русских, "Принца и нищего" Марка Твена, известный в период первой революции (1905) издатель подпольной литературы Львович, Евгений Чириков, Скиталец...»

Вера Николаевна Фигнер была террористкой, членом Исполнительного комитета «Народной воли», участвовала в подготовке покушений на Александра II. После убийства царя была единственной, кому удалось скрыться. Но весной 1883 года её всё же арестовали, отдали под суд и приговорили к смертной казни, которую заменили бессрочной каторгой. В 1906 году ей разрешили выехать за границу для лечения, и там она вступила в партию эсеров, из которой вышла после разоблачения Азефа. Октябрьский переворот большевиков не приняла.

Владимир Галактионович Короленко – русский писатель, общественный деятель, защищавший права людей в царское время, в гражданскую войну и в период советской власти.

Журнал «Русское богатство», основанный в 1876 году, был против всех уклонов (и правых и левых) и выступал как против марксистов (социал-демократов и эсеров), так и против кадетов, октябристов и черносотенцев-националистов. В журнале критиковались церковь и бюрократы, творившие беззакония, а также буржуазия, толстовцы, декаденты (пессимисты, утратившие веру в жизнь) и иже с ними.

Давид Владимирович Львович учился в Новороссийском и Петербургском университетах, окончил университет Мюнхенский. Активно участвовал в социал-сионистском движении, арестовывался, работал в социал-демократической фракции Третьей Государственной думы.

Евгений Николаевич Чириков был писателем, драматургом, эмигрировавшим после октябрьского переворота и потому вычеркнутым из советской истории.

Степан Гаврилович Скиталец (Петров) был писателем и поэтом. С радостью встретил Февральскую революцию, октябрьский переворот не принял.

На даче Анненковых часто бывал и Маяковский со своими друзьями-футуристами.

Между тем гражданская война уже разгоралась. Первые стычки между отрядами «красных» и «белых» произошли неподалёку от большевистского Петрограда, в Финляндии, по поводу которой 18 декабря 1917 года ленинский Совнарком постановил:

«... признать государственную независимость Финляндской республики».

23 марта 1918 года на станции Антреа верховный главнокомандующий финской армии генерал Карл Густав Маннергейм обратился к войскам, сказав:

«Когда я прибыл на карельский фронт, я приветствовал мудрых карел, которые так мужественно сражаются с разбойниками Ленина и их жалкими пособниками, против людей, которые со знаком Каина на лбу нападают на своих братьев...»

Я клянусь... что не вложу свой меч в ножны, прежде чем последний вояка и хулиган Ленина не будет изгнан как из Финляндии, так и из Восточной Карелии».

В русском переводе этой речи, которую историки назвали «клятвой меча», пособники Ленина именуются «разбойниками» и «хулиганами», хотя Маннергейм наверняка употребил более суровое слово: «бандиты». Именно такой перевод хочется употребить после знакомства с воспоминаниями Юрия Анненкова, которому довелось пообщаться с «деяниями» этих «хулиганов»:

«В 1918 году, после бегства красной гвардии из Финляндии, я перебрался в Куоккалу (это ещё было возможно), чтобы взглянуть на мой дом. Была зима. В горностаевой снеговой пышности торчал на его месте жалкий урод – бревенчатый сруб с развороченной крышей, с выбитыми окнами, с чёрными дырами вместо дверей. Обледенелые горы человеческих испражнений покрывали пол...»

Вырванная с мясом из потолка висячая лампа была втоптана в кучу испражнений. Возле лампы – записка: "Спасибо тебе за лампу, буржуй, хорошо нам светила".

Половицы расщеплены топором, обои сорваны, пробиты пулями, железные кровати сведены смертельной судорогой, голубые сервизы обращены в осколки, металлическая посуда – кастрюли, сковородки, чайники – доверху заполнены испражнениями.

В третьем этаже – единственная уцелевшая комната. На двери записка: "Тов. Камандир".

На стене – ночной горшок с недоеденной гречневой кашей и воткнутой в неё ложкой».

В дачном доме Юрия Анненкова куражились красногвардейцы – те самые хамы, о которых предупреждал россиян ещё Дмитрий Мережковский, и которые встретились Бенедикту Лившицу в петроградском университете. Они позволяли себе всё, что взбрело в их головы, потому как считали себя хозяевами страны. Это их вожди правили теперь Россией. В Петрограде им посвящал свои стихотворные оды Василий Князев.

Василий Васильевич Князев родился в 1887 году в Тюмени в зажиточной купеческой семье. Гимназию не окончил по болезни и поступил в петербургскую земскую учительскую семинарию, в которой проучился всего год – в 1905 году был исключён за участие в антиправительственных выступлениях. Стал сочинять стихи на злобу дня и печатать их в сатирических журналах. В 1908 году пользовалось популярностью его стихотворение «Признание модерниста»:

*«Для новой рифмы
Готовы тиф мы
В стихах воспеть.
И с ним возиться,
И заразиться
И умереть!»*

Было широко известно и стихотворение Князева «Моя политическая платформа»:

*«Нейтрален политически,
На жизнь смотрю практически,
Имя артистически»*

*Отменно тонкий нюх.
В дни бурные, свободные
Про горести народные
Я мысли благородные
Высказываю вслух».*

В 1910 вышла первая книга его стихов – «Сатирические песни», в 1913-ом – вторая: «Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки Санкт-Петербургской губернии». Критики, восторгаясь колоритным народным языком поэта, называли его «*русским Беранже*».

В разгар первой мировой войны Василий Князев публиковал памфлеты против «*паразитов войны*» – писателей, которые сделали воспевание «*патриотизма*» своей профессией. Много сотрудничал и в горьковском журнале «Летопись», в котором ему не раз приходилось сталкиваться и общаться с Маяковским.

После октябрьского переворота Князев стал активно работать в большевистских изданиях. В сатирическом журнале «Соловей» его стихи соседствовали со стихами Демьяна Бедного и Владимира Маяковского. Весной 1918 года вместе с Володарским и Львом Сосновским Князев создавал «Красную газету», в которой ежедневно печатались его стихи, и в которой он сам заведовал стихотворным отделом.

В его поэме «Красное Евангелие» современные события передавались в форме евангельских преданий. Главным героем был Иисус Христос, а Октябрьская революция представлялась его очередным пришествием.

«Красное Евангелие» явно перекликалось с «Человеком» Маяковского. Но если поэт-футурист ставил себя на место библейского Иисуса, то Василий Князев предлагал учредить нового Иисуса, восклицая:

*«Очисти душу и воскресни
Во имя Красного Христа!»*

Большевистские газеты славили Князева как «*талантливейшего пролетарского поэта, в совершенстве владеющего как тайной стиха, так и темпераментом истинного революционера*». Стихи Князева нравились и Ульянову-Ленину.

Так что Маяковскому, уступившему в Москве корону «*короля поэтов*», и в Петрограде вновь пришлось ощутить себя стихотворцем, оказавшемся далеко не на первых ролях.

А в далёком от Москвы и Петрограда городе Баку в это время продолжала утверждаться советская власть. В июне Бакинский Совнарком (тот, что состоял из большевиков и левых эсеров) национализировал нефтяную промышленность и Каспийский торговый флот. Был введён 8-часовой рабочий день, работавшим повышена заработная плата. Помещичьи земли конфисковали, и их стали передавать крестьянам.

Но Бакинской коммуне угрожала опасность – созданная Турцией Кавказская исламская армия готовила нашествие на Баку. Поэтому 3 июня глава большевистского Совнаркома

Ульянов-Ленин (через шесть дней после того, как им был послан приказ о затоплении Черноморского флота) отправил с оказией записку председателю бакинского ЧК Сааку Мирзоевичу Тер-Габриэляну:

«Можете ли вы передать Теру, чтобы он всё приготовил для сожжения Баку полностью, в случае нашествия, и чтобы печатно объявил это в Баку?»

Всё это происходило в тот момент, когда, несмотря на некоторые разногласия, ещё казалось, что сотрудничество двух партий (большевиков и левых эсеров) крепнет и процветает.

И вдруг в Москве вспыхнул...

Левозэсеровский бунт

4 июля 1918 года в 2 часа дня в Москве открылся V Всероссийский съезд Советов. А накануне газета «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов и Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов» сообщила, что забастовки на железной дороге и в Петрограде, которые пытались организовать антибольшевистские партии и организации, прекратились. Выступивший перед делегатами съезда Троцкий (явно имея в виду расстрелянного Щастного) заявил, что всякий, кто попытается *«сорвать Брестский мир, будет расстрелян»*.

Но были люди, которые угрозы большевистских вождей не испугались. Ещё 24 июня Центральный Комитет партии левых эсеров, союзников и соратников Ульянова-Ленина по управлению страной, принял решение...

«... в самый короткий срок положить конец так называемой военной передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира, организовав ряд террористических актов в отношении видных представителей германского империализма».

Вечером 4 июля к лидеру левых эсеров Марии Спиридоновой пришёл Яков Блюмкин, который, как мы помним, работал в ВЧК в Отделе по борьбе с контрреволюцией (начальником Секретного отделения по противодействию германскому шпионажу). Блюмкин вёл дело арестованного чекистами военнопленного австрийской армии графа Роберта Мирбаха (племянника германского посла), который согласился сотрудничать с ВЧК. Это давало Блюмкину повод добиться беседы с послом, во время которой и убить Вильгельма фон Мирбаха. Об этом Яков Блюмкин и заявил Марии Спиридоновой.

В это время московские чекисты так активно разыскивали врагов рабоче-крестьянской власти (а стало быть, и Брестского мира), что нагнали страху на всю Москву. И 5 июля, пытаясь успокоить москвичей, «Известия ВЦИК» поместили объявление:

«От Военного комиссара Московского округа

В последние дни в Москве разнеслись слухи о повальных обысках, проводимых какими-то организациями. Объявляю во всеобщее сведение, что слухи эти ложны и пускаются с провокационной целью врагами рабочего класса и Советской республики. Обыски проводились нормальным порядком Чрезвычайной Комиссией по борьбе со спекуляцией и спекулянтов и торговшей, а не у рабочих и обывателей. Если же у рабочих и обывателей при обысках отбирают подушки, пиджаки и прочее, то это дело обыкновенных бандитов и грабителей, с которыми единственное средство борьбы – расстрел на месте. О всех случаях грабежей, самочинных обысков и прочем немедленно сообщать в районный Совет или в ближайший комиссариат милиции.

Военный Комиссар Н.Муралов».

А левый эсер Блюмкин, который уже принял решение, что после проведения террористического акта сдастся властям, сел писать прощальное *«письмо товарищу»*. В нём он объяснял, почему идёт на убийство:

«Черносотенцы-антисемиты с начала войны обвиняют евреев в германофильстве, и сейчас возлагают на евреев ответственность за большевистскую политику и за сепаратный мир с немцами. Поэтому протест еврея против предательства России и союзников большевиками в Брест-Литовске представляет особое значение. Ведь весь мир должен узнать, что "еврей – социалист не побоялся принести свою жизнь в жертву протеста..."»

6 июля Яков Блюмкин и его однопартиец Николай Андреев на автомобиле тёмного цвета марки «паккард» подъехали к зданию, где находилось посольство Германии.

На следующий день на первой странице «Правды» появилось...

«Правительственное сообщение

Сегодня, 6-го июля, около 3-х часов дня, двое (негодяев) агентов русско-англо-французского империализма проникли к германскому послу Мирбаху, подделав подпись тов. Дзержинского под фальшивым удостоверением, и под прикрытием этого документа убили бомбой графа Мирбаха».

Подпись Дзержинского, как установили потом, подделал Яков Блюмкин.

Лидер левых эсеров Мария Александровна Спиридонова, явившись на заседание съезда Советов, тут же радостно объявила:

«– Русский народ свободен от Мирбаха!»

И, вскочив на стул, принялась кричать:

«– Эй, вы, слушай Земля! Эй, вы, слушай Земля!»

Во время инцидента в германском посольстве Блюмкин был ранен в ногу, и Николай Андреев отвёз его в отряд левых эсеров, которым командовал Дмитрий Попов.

Двоюродный брат Блюмкина потом рассказывал Борису Бажанову (о Бажанове речь впереди), что на самом деле всё происходило не так романтично, как это описывал сам Блюмкин:

«Блюмкин бросил бомбу и с чрезвычайной поспешностью выбросился в окно, причём повис штанами на железной ограде в очень некомфортабельной позиции. Сопровождавший его матросик не спеша ухлопал Мирбаха, снял Блюмкина с решётки, погрузил его в грузовик и увёз».

Как бы там ни было, но главная цель нападавших была достигнута: германский посол был убит. Партия Марии Спиридоновой объявила большевиков *«агентами германского империализма»*, установившими режим *«комиссародержавия»*. А большевики прямо в Большом театре арестовали всю левоэсеровскую фракцию съезда во главе с её лидером, заявив, что левые эсеры устроили вооружённое восстание.

Однако никаких активных действий *«восставшие»* не вели. И утром 7 июля, направив против них части латышских стрелков, большевики за несколько часов разгромили отряды *«мятежников»*.

Сам Блюмкин впоследствии утверждал, что никакого левоэсеровского мятежа вообще не было, а была...

«... самооборона революционеров после отказа ЦК выдать меня».

Через какое-то время, беседуя с женой Луначарского и её двоюродной сестрой, Блюмкин сказал, что о планах покушения на Мирбаха знали Дзержинский и Ленин. И оба поддержали эти планы. Сохранились даже свидетельства о том, как Владимир Ильич рекомендовал (по телефону) организовать поиски убийц германского посла:

«... искать, очень тщательно искать! Но... не найти».

После «мятежа»

8 июля 1918 года на первой странице экстренного выпуска газеты «Правда» жирным шрифтом была напечатана фраза:

«Новые слуги империализма "левые эсеры" сделали безумную и гнусную попытку навязать измученной России немедленную войну».

Дело о левоэсеровском мятеже было направлено в Верховный ревтрибунал при ВЦИК – в тот самый, который первый смертный приговор уже вынес (Алексею Щастному).

В том же номере «Правды» было опубликовано письмо Феликса Дзержинского:

«Ввиду того, что я являюсь, несомненно, одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника графа Мирбаха, я не считаю для себя возможным оставаться больше во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии в качестве её председателя, равно как и вообще принимать какое-либо участие в Комиссии. Я прошу Совет Народных Комиссаров освободить меня от работы в Комиссии».

Просьба Дзержинского была удовлетворена.

Никаких воспоминаний о мятеже левых эсеров и о других событиях июля 1918 года Маяковский тоже не оставил. Хотя в тот момент произошло очень много событий, о которых можно было высказаться в прозе или в стихах.

К примеру, Яков Блюмкин 9 июля с помощью *«внепартийных друзей»* сбежал из больницы, в которой находился под охраной. А 10 июля на допросе в Верховном ревтрибунале Мария Спиридонова заявила:

«— Власть ленинцев – это олигархия большевиков. Поэтому я и организовала убийство Мирбаха. От начала до конца. Блюмкин действовал по моему поручению».

Слухи об этих событиях распространялись тогда довольно быстро, обрастая по ходу самыми невероятными подробностями.

В тот же июльский день (10 числа) командующий Восточным фронтом левый эсер Муравьёв поднял ещё один мятеж.

Михаил Артемьевич Муравьёв был царским офицером, участником русско-японской войны и Первой мировой. После февраля 1917 года его назначили начальником охраны Временного правительства и произвели в подполковники. Затем он примкнул к левым эсерам, а после октябрьского переворота, встретившись с Лениным и Свердловым, предложил свои услуги Советскому правительству. 13 июня Муравьёв стал командующим Восточным фронтом. 11 июля на пароходе «Мезень» он прибыл в Симбирск и (в соответствии с решениями своей партии) объявил войну Германии.

Советской Россией в тот момент правили тринадцать человек, входивших в состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК). Их фамилии (по алфавиту) были обнародованы в воскресном номере (14 июля 1918 года) «Известий ВЦИК»:

«Бухарин, Дзержинский, Зиновьев, Каменев, Ленин, Луначарский, Рыков, Раскольников, Свидерский, Свердлов, Троцкий, Урицкий, Чичерин».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.